

ЛИНГВИСТИКА

Вернер Г. К.

ГИПОТЕЗА ДИНЛИНО-ЕНИСЕЙСКОГО ЕДИНСТВА

Обзор историографических данных позволяет с большой степенью вероятности говорить о хунноязычии динлинов, или, вернее, при учете исторического прошлого этих народов, о динлиноязычии хуннов, восходящем к периоду этногенеза хуннов в условиях длительного динлинохуннского симбиоза. Исходная область расселения динлинов, которая может быть совмещена с географической прародиной енисейцев, то есть, саяноалтайский регион, позволяет исходить из единого динлино-енисейского этнокультурного языкового мира, что создает основу для принятия гипотезы Лигети–Паллиблэнка о хунно-енисейских языковых связях.

Ключевые слова: *происхождение енисейцев, гипотеза Лигети–Паллиблэнка, хунно-енисейские языковые связи.*

В предлагаемой работе автор еще раз возвращается к вопросу о происхождении кетов, или – шире – енисейцев, вопрос, который задавали себе исследователи XVIII в. и который продолжают задавать себе исследователи XXI в.; гипотез выдвинуто много, а кеты остаются загадкой, хотя, конечно, мы знаем о них сегодня больше, чем исследователи прошлых веков. Особенно расширились наши знания о них со второй половины XX в., прежде всего благодаря работам выдающихся ученых Е. А. Алексеенко, А. П. Дульзон и Е. А. Крейнович. Наиболее интересными в плане их древнейших генетических связей представляются в настоящее время синокавказская и дене-енисейская гипотезы (см., напр., Старостин, 1984; Bengtson, 1991; Blažek / Bengtson, 1995; Ruhlen, 1998; Vajda, 2010 и др. работы), опирающиеся на языковые данные.

В предлагаемой статье не ставится задача критического разбора выдвинутых гипотез об отдаленном генетическом родстве енисейцев; автор хотел обратиться к вопросу о более поздних предках кетов-енисейцев среди ранних народов Центральной Азии и рассмотреть вопрос об их возможных этнических корнях в среде этих народов. Уровень разработки проблемы кетов и других енисейских народов на сегодняшний день позволяет пока только выдвигать различные гипотезы, и в том смысле предлагаемая работа не отличается от других, но пытается привязать названную проблему к зафиксированным историческим событиям последних столетий до н.э. и первых столетий н.э., а также связать ее с народами-участниками этих событий, в частности, с динлинами, хуннами и гуннами. Предпринимается поэтому попытка осмыслить историкографический, этнографический и лингвистический материал в свете проблемы енисейцев с целью определения их места, их участия и роли в засвидетельствованных и реконструируемых исторических событиях в соответствующих географических регионах. Автор особенно тщательно разбирает все данные, которые могли бы свидетельствовать о причастности древних енисейцев к динлинам в соответствии с мыслью Н. А. Аристова о динлинском происхождении енисейцев (Аристов, 1897), а также об их причастности к этногенезу хуннов и гуннов, проводя различие между последними в духе К. А. Иностранцева (Иностранцев, 1926).

При поиске исходной географической прародины енисейцев наиболее надежный источник представляет собой, несомненно, енисейские топонимы. Именно древние топонимы Сибири енисейского происхождения, впервые выявленные А. П. Дульзоном (Дульзон, 1959), позволили ему проследить древнюю миграцию енисейцев из районов Южной Сибири, Северной Монголии и Западного Сынцзяна в северном направлении по Иртышу, Оби и Енисею (Дульзон, 1962, 1963). Кроме того, эта локация енисейской прародины в горных районах Са-

яно-Алтая Южной Сибири подтверждается, с одной стороны, той географической горно-таежной средой обитания праенисейцев, которая отображена в енисейском словаре, а с другой, характером их протокультуры, отображенной в этом словаре, культуры первобытных охотников, рыболовов и собирателей (Werner, 2006, 2007).

В связи с рассматриваемой здесь проблемой очень важен установленный по историографическим данным факт, что именно эта исходная для енисейцев географическая прародина между Северной Монголией и Иртышом была, по «Вэй-Люэ», и областью расселения динлинов (см. карту). Это обстоятельство особенно настоятельно побуждает к рассмотрению вопроса о динлино-енисейском тождестве.

Странным представляется факт, что при довольно частом упоминании динлинов в источниках, начиная с конца III в. до н. э., они не могут быть однозначно отождествлены с какой-либо из выявленных археологических культур на соответствующих территориях. И вообще отсутствует однозначный единообразный конкретный след, который бы они оставили после себя на территории их бывшего обитания, а народ, который, наоборот, не упоминается в источниках, т. е. енисейцы, оставил на этой самой территории бесспорный след в виде географических названий. Уже тот факт сам по себе заставляет задаться вопросом, не являются ли именно создатели этих топонимов, в данном случае енисейцы, народом, который обитал на этой территории под именем динлинов.

Принятие тезиса о динлинском происхождении енисейцев позволяет ставить вопрос о единой динлино-енисейской этно-культурной и языковой среде, из которой эти народы вышли, и снять всевозможные необоснованные домыслы, например, о языковой принадлежности динлинов, ибо в свете их исконного единства с енисейцами может однозначно предполагаться только праязык енисейского, т.е. палеосибирского типа. Формулировка «язык енисейского типа» в данном случае вовсе не предполагает непременно детального сходства с реконструированным на основе засвидетельствованных дочерних енисейских языков енисейского праязыка и тем более сходства с одним из этих известных с XVII–XVIII вв. енисейских языков, хотя полностью не исключается; это мог быть и язык, близкородственный реконструированному праязыку. Важен сам по себе факт, что речь может идти о языке не алтайского, а именно палеосибирского енисейского типа.

При таком подходе большой интерес вновь вызывает и известная гипотеза Лигети–Паллиблэнка о принадлежности к этому языковому типу языков хуннов и гуннов (Ligeti, 1950; Pulleyblank, 1962), а это возможно, на мой взгляд, только, если историографические данные, подкрепленные лингвистическими, хотя и очень ограниченными, позволят выстроить приемлемую схему этно-языковой и культурной связи динлино-енисейского мира с хуннским, а хуннского в свою очередь с гуннским.

Решение поставленной задачи следует начать с выяснения вопроса об этнических корнях динлинов. Вопрос спорный, так как сведения об этом народе в китайских историографических источниках отрывочны, порою противоречивы и допускают различное толкование.

Они впервые упоминаются среди народов Северной Монголии и Южной Сибири, покоренных в 202 г. до н. э. хуннским шаньюем Маодунем; отмечается, что он покорил на севере владения хуньюев, цюйше, динлинов, гэгуней и синьли (Таскин, 1968/1: 41). Другое упоминание связано с выступлением динлинов совместно с ухуанями против хуннов в 72 г. до н. э.: «Динлины, пользуясь слабостью хуннов, напали на них с севера, ухуаньцы вступили в земли их с восток, усуньцы – с запада» (Таскин, 1973/2: 28). А десять лет спустя они вновь упоминаются в связи с их набегами на хуннов: «В связи с тем, что в течение последних трех лет динлины совершали набеги на сюнну, во время которых убили и захватили в плен несколько тысяч человек и угнали лошадей, сюнны отправили против них 10 000 всадников, но ничего не добились» (Таскин, 1973/2: 30).

В период наступления новой эры, а именно в 49 г. до н. э., динлины еще раз упоминаются в связи с походом шаньюя северных хуннов Чжичжи в Притяньшанье и Семиречье, где он

вновь покоряет гяньгуней (кыргызов) и к северу от них динлинов. В I в. н. э. (в 85 г.) отмечается участие динлинов в коалиции против северных хуннов, при котором динлины нападают на них с севера, сяньбийцы с востока, южные хунны с юга, а владения западного края с запада. Во II в. н. э. (в 157 г.) отмечен факт отражения предводителем сяньбийцев Таншихаем динлинов на севере в ходе его наступления на усуней на западе, в результате которого сяньбийцы овладели всеми бывшими сюннскими (хуннскими) землями.

В III в. динлины упоминаются в «Вэй-Люэ» снова в связи с гяньгунями (кыргызами). Отмечается, что владение Гяньгунь расположено северо-западнее владения Каньгуй (Канцзюй), а владение динлинов севернее от него. Подчеркивается также деление динлинов на две группы – восточную, к югу от Байкала рядом с ухуанями, и западную в Прииртышье или Семиречье рядом с гяньгунями. Но в целом западные и восточные динлины разведены в хрониках недостаточно четко.

Особый интерес представляют динлины гаоче и гаогуй (гаогуйские динлины) в составе степняков-гаогуйцев, история которых довольно подробно документирована. Это были динлины, которые обитали в предгорьях Наньшаня (Nanshan) в Северном Китае, куда были уведены хуннами еще во времена господства последних и где смешались с другими народами (Грумм-Гржимайло, 1998/1: 346), а во второй половине IV в. н. э. стали наряду с другими племенами выселяться в степи севернее Гоби.

Гаогуйские динлины остаются загадкой, ибо китайские источники не дают ответа на ряд важных вопросов, и остаются поэтому в недостаточной степени разведенными понятия «гаогуйцы», под которым надо понимать всех степняков, и «гаогуйские динлины», под которым следует, очевидно, понимать именно динлинов из Наньшаня, но могло ли оно встречаться и как обобщенное обозначение для всех степняков, этот вопрос остается открытым. Ср. в связи с этим следующее место в «Вэй-шу»: «Гаогуйцы суть потомки древнего поколения *чи-ди*. Вначале они прозывались *дили*; уже на севере прозваны *гаогуйскими динлинами*. Язык их сходен с хуннским, но есть небольшая разница». Это замечание не дает ответа на поставленный вопрос.

Начало дискуссии о динлинах положил Г. Е. Грумм-Гржимайло со ссылкой на «Бэй-ши»: “В «Бэй-ши» мы находим указания, что народной название красных *di* (*ċi-di*) было *di-li*, изменившееся в *ding-ling* по переходе их в конце IV в. по Р.Х. на северную сторону Гобийской пустыни... В последствии Саянские горы китайцы называли в своих летописях «Динлин»” (Грумм-Джимайло, 1998/1: 342).

Но в последнем случае, когда упоминаются события IV в. н. э., речь идет, собственно, об особой группе поздних динлинов, именно о динлинах в среде гаогуйцев. Вопрос об этих гаогуйских динлинах в племенном объединении *гаоче* или *гаогуй*, куда входили и дисцы, потомки более древних племен *di / dili*, является в сущности ключевым в прояснении динлинской проблемы. По гипотезе Г. Е. Грумм-Гржимайло этнонимы *di*, *dili*, *diŋ-liŋ* ошибочно приписываются единому гомогенному гаогуйскому народу, видимо, с опорой на то же самое место в «Вэй-шу», что гаогуйцы вначале прозывались *dili*, на севере прозваны *гаогуйскими динлинами*.

В этой цитате дисцы однозначно отождествляются с хуннизированными динлинами Наньшаня (язык их сходен с хуннским, но есть небольшая разница), что находится в явном противоречии с замечанием в «Вэй-Люэ» о том, что в лоно своих родов дисцы общались меж собой на своем родном языке *di*, а не на хуннском (см.: Бернштам, 1951: 60). Но как отмечается дальше в этом источнике, на хуннском языке говорили цзелу и цзылу (народ *цзе*), которые связываются с динлинами Наньшаня: «Цзелу были первоначально *хюн-ну* (т.е. *хуннами*. – Г. В.); *цзы* было словом, которым хюн-ну обозначали рабов. Эти рабы, после распада древнего общества хуннов, заняли области в районе Шачжоу... Они не тождественны племенам запада, которые принадлежат к Вэйби (т. е. сяньби). Они не одной расы: среди них имеются

танху, динлин и кяны (тибетцы)» (Chavannes, 1905: 22–26). То есть китайские авторы поначалу, видимо, называли динлинами не гаогюйцев вообще, а динлинов среди дисцев в объединении *гаогюй*. Кстати, на связь гаогюйских динлинов с цзесцами указывает и Г. Е. Грумм-Гржимайло (со ссылкой на эту же работу Chavannes, 1905: 525–526): «Еще во времена хуннов часть динлинов уведена была на юг, в Наньшань, где, смешавшись с цянами и да-ху, образовала племя цзы-лу» (Грумм-Гржимайло, 1998/1: 346).

Таким образом, складывается впечатление, что упоминание в хрониках о динлинах III–IV вв. н. э. относится именно к динлинам, а не к дисцам, но к поздним динлинам, которые были в свое время уведены хуннами в предгорья Наньшаня в Северном Китае, а *гаогюй* было обобщенным обозначением всех степняков: и потомков динлинов Наньшаня, выселившихся из Северного Китая в степь во второй половине IV в., и потомков дисцев, также выселившихся в это время в степь, так как признак *гаогюй* ‘высокие телеги (или повозки)’ характеризует кочевой быт степняков¹. То есть гаогюйцы, под которыми Г. Е. Грумм-Гржимайло понимал только динлинов, на самом деле представляли собой не однородное, а гетерогенное степное население, которое, очевидно, только к VI в. н. э. слилось в единый народ, называемый теперь уже *гаогюйцами*, а *телесцами* (*теле*).

Эти сведения о гаогюйцах не дают оснований для отождествления динлинов вслед за Г. Е. Грумм-Гржимайло с европеоидными и для локализации их исконной географической прародины в хуанхэйском пограничье, а опираться на такой источник как «Вэй-Люэ» и исходить из области исторического расселения динлинов, простиравшейся от бассейна Селенги до верховья Иртыша. Из этой локализации области расселения динлинов исходил и Л. Н. Гумелев, но оставался при мнении о европеоидном антропологическом типе динлинов, связывая восточных динлинов с «афанасьевцами», а западных (кюе-ше) в бассейне Иртыша с «андроновцами», в которых видел предков кипчаков (Гумилев, 1998: 322–334). Но в случае ранних динлинов, обитавших в указанных районах Южной Сибири речь идет об аборигенном населении охотников, рыболовов и собирателей (Окладников, 1968/1: 266), а не о скотоводах и землепашцах типа «афанасьевцев» или «андроновцев», не говоря уже о тюркоязычных кипчаках, первое упоминание о которых вообще относится лишь к 759 г. н. э. (надпись на Селенгинском камне).

Оспаривая европеоидный тип динлинов, можно в связи с гипотезой динлино-енисейского единства предполагать для них антропологический тип, идентичный с енисейским (по Гохману, 1982: 78), то есть «южносибирский монголоидный с несколько ослабленным комплексом степени выраженности монголоидных признаков и рядом специфических особенностей».

Вопрос о том, сводимы ли этнонимы «динлин», «дили», «чи-ди», «чили», «теле» к одному и тому же и соотносимы ли они с одним и тем же народом, как предполагал Г. Е. Грумм-Гржимайло, ссылаясь на замечание в «Бэй-ши», что народное название *di* изменилось на *dingling* при переходе их на северную сторону Гойбийской пустыни и переселении на юг Сибири, остается уже с чисто фонетической точки зрения очень спорным, но он еще больше осложнен в свете различия между племенами *гаогюй*, среди которых различались, с одной стороны, гаогюйские динлины, а, с другой, гаогюйцы-дисцы (телесцы). Во всяком случае этнонимы *di/dili* и *diŋ-liŋ* никак между собой не связаны, а, постулируя динлино-енисейское единство, можно предположить следующую этимологию этнонима *diŋ-liŋ*: китайское географическое название *diŋ-liŋ* «Саянские горы» (< «Горы народа *ding* [*diŋ*]») < енис. **dʲeŋ*, кет. *dɛʲŋ*, югск. *dʲeʲŋ*, кот. *čəŋ* «люди», «народ» + кит. *liŋ* «горная гряда» (ср. Old Chinese **liəŋ* > Early Middle Chinese *liŋ* > Late Middle Chinese *liəŋ* > Standard Mandarin *liŋ*² ‘high mound’; Early Middle Chinese *liəŋ*³ > Late Middle Chinese *liəŋ*³ > Standard Mandarin *liŋ*³ ‘mountain range’

¹ «Китайцы их именовали *гаогюй*, т.е. «высокие телеги», а монголоязычные жужани на своем наречии называли *тегрег* «тележники» (Кляшторный, 1997: 3).

[Sedlaček, 2008: 242]), то есть дословно ‘горная гряда народа *diŋ*²’, и можно, следовательно, исходить из того, что название географического региона было перенесено и на его население. Это объясняет также, почему, как заметил Л. Н. Гумелев, китайские авторы порой племена *di* также называли *ding-ling*, так как они вперемежку с динлинами Наньшаня переселялись в IV в. н. э. в степи севернее Гоби, но динлинов Южной Сибири никогда не называли именем *di*³.

Помимо динлинских гипотез Г. Е. Грумм-Гржимайло и Л. Н. Гумелева существует еще оригинальная гипотеза южносибирской, тагарско-динлинской прародины, которая связывается с южносибирским происхождением угров. Ее автор известный сибировед Л. Р. Кызласов (Кызласов, 1959: 73–76). Эту гипотезу о раннем пребывании угров в Сибири и особенно об из южносибирской, тагарско-динлинской прародине трудно принять потому, что тагарцы были скотоводами и земледельцами, а их предполагаемые по этой гипотезе наследники, ханты и манси – это пешие охотники, рыболовы и собиратели, которые никогда не знали ни скотоводства, ни металлургии, ни гончарного производства (см.: Futaky, 1975). А западные угры – венгры только во второй половине VI в. н. э., мигрировав из бассейна Камы на юг и придя в соприкосновение с тюрками, переняли от них скотоводство, о чем свидетельствует их терминология скотоводства, отсутствующая, кстати, у хантов и манси (см. об этом Артамонов, 1962: 76). Об этом свидетельствует и протокультура угров, отраженная в праязыке (см. исходный словарный запас, приведенный в академическом издании «Основы финно-угорского языкознания», М., 1974: 397–438, под ред. В. И. Лыткина, К. Е. Майтинской, Карой Редееи и др.).

Наиболее сильный аргумент в концепции Л. Р. Кызласова – это, несомненно, топонимика, а именно топонимы на *-es*, *-as*, определяемые им в качестве угорской с опорой на хант. *-as* ‘большая река’, манс. *-as* ‘море’. Особенно показательны примеры угор. *As*, *Es* ‘Обь’, *Kokun-es* ‘Енисей’, *Tasmes* ‘Таз’, манс. *As* или *Katan-es* ‘Иртыш’ (‘Татарская река’). Кроме того, интерес представляют следующие хант. слова на *-es*, *-as*: *pas* ‘протока’, *oues* ‘низовье реки’, *nates* ‘ручей’. Интересно, что ареалы распространения топонимов на *-es*, *-as* – это Хакасия, Северный Алтай, Северо-восток Тувы и Зап. Сибирь, т. е. области в общем совпадающие с местами распространения енисейских топонимов. Можно бы поэтому предположить, если исходить из появления угров в Сибири лишь после XII в. н. э., что топонимы *-es*, *-as*, определяемые Л. Р. Кызласовым в качестве угорских, оставлены доугорским населением, ибо *-as* со значением «большая река; море» едва ли может в качестве составного компонента входить в название маленьких речек. Напрашивается предположение о енисейской диалектно-языковой разновидности этих топонимов на *-as*, *-es*, *-os*. Но такое предположение требует очень серьезного обоснования. Мною сделана в этом направлении попытка объяснить подобные топонимы на основе предположения, о названиях речек различного типа в соответствии с характером местности или их удаленности, если возводить енис. **se-s* и енис. **sym* к более древним сложным образованиям типа **sey-as*, **sey-əm* (Werner, 2014: 38–39). И тогда хант. *as* ‘большая река’ и манс. *as* ‘море’ следует рассматривать как заимствования из какого-то доугорского источника (енисейского?). Эту возможность пока не следует исключать, ведь мы, действительно, имеем диалектно-языковые разновидности среди енисейских обозначений для «река», причем их довольно много: *ses/sas*, *tet/tat*, *set*, *šet*, *tes/tas*, *ul/ur*, *kur/kul*, *sym/tym*, вероятно, также топонимы на *-lat*, *-igaj*, *-get/-gat* (см. Малолетко, 2000: 128–130, 139–142).

Относительно угорского компонента *-sos* / *-sas* уже Карл Боуда не исключал возможности его енисейского происхождения (кет. *ses* «река» в записях XVIII в. встречается и в форме

² В данном случае нарицательное имя **d'eʔŋ* «люди» (> «народ») переосмыслено в этнониме *diŋ-liŋ* как имя собственное в значении «народ **d'eʔŋ*», что как раз и позволяет интерпретацию *diŋ-liŋ* как «горная гряда (*ling*) народа **d'eʔŋ* (> *ding*)».

³ То есть употребление китайскими авторами обозначения *ding-ling* по отношению к гаогюйцам может объясняться тем, что среди них были динлины из Наньшаня, введенные в свое время хуннами в Северный Китай и переселившиеся в степи севернее Гоби во второй половине IV века вместе с кочевыми племенами *di*.

šöš «река»). А что касается апеллятива *ses/sas, tet/tat, set/sat* и т.д., характеризуемый уже В. В. Радловым как енисейский, то это сегодня уже едва ли вызывает сомнения, кстати, замечание о том, что *-sas* с гласным *-a-* – это форма множ. числа в енис. языках, и в топонимах, если бы они были енисейского происхождения, эта форма не могла бы появляться, требует некоторого пояснения: форма множ. *sas* от *ses* «река» встречается только в южнокет. диалекте и в югском языке в форме *sas* и *sa^h:s* в результате апокопы конечного безударного гласного, но во всех других случаях огласовка *-a-* / *-e-* не связана с формами един. или множ. числа, ср. данные из Сравнительного словаря енисейских языков: **sēs* / **tes*, ПУ ‘river’ > Ket *sē-s* (pl. SK *sàs*, СК *sà:sə*, НК *sà:si*), Yugh *sēs* (pl. *sa^h:s*), Kott (C) *šēt* (pl. *šati*) id.; Kott (M, W, Kl, F) *šet* ‘brook’ (amn); Arin (M, W, VW, Kl) *sat*, Assan (VW) *šet* / *šetagaj* (Kl), Imb. (M, W, VW, Kl) *ses* / *xä-se:s* (Kl), Kott (VW, Kl) *šet*, Imb. (Ad) *sisⁱ*, Kam. (Str) *satiŋ* (pl.), ОУгх (M) *xä-se:s* (Yugh *χε²* ‘big’), Pump. (VW, Kl) *tataŋ* (pl.) ‘river’ (fluvius); Arin (M, W) *kal-gun-il-sat* / *kalgun-il-jat* (Kl) < *kalgun-il-sat*, Assan (M, W, Kl) *šet* / *šeto* (Kl), Imb. (Kl) *pöŋa-se:s, dül-džes* (< *pöŋa-* < *p^hana-* / *dul-* ‘small’), ОУгх (M) *pöŋa-se:s, dül-džes* (< *p^hana-*, *dul-* ‘small’), Pump. (W) *tataŋ* (pl.), ЕKet (Mes) *šöš* ‘small river’, ‘brook’ (amn); cf. also Arin (H) *ikai*, Kott (H) *šet* ‘river’, Kott (C) *šétök* / *šétôg*, pl. *šétôkj* / *šétôgan* / *šétôkan* ‘brook’; ◊ ПУ (S) **ses* ‘river’; Δ В[ouda] 1957 comp. Yen. *ses* with Mansi *sôs* ‘brook; little river’; see **-ses*, **-set*, **-tet*, **-tes*, **-šet* (Yen. appellatives ‘river’ in Siberian toponyms): **-ses* (> *-ses*, *-sas*, *-sis* / *-sus*, *-cas*, *-ces*, *-cis*, *-čes*, *-šiš*, *-zas*, etc.) one of many Yen. (Ket, Yugh) appellatives ‘river’ in Siberian toponyms (Maloletko 2000:110-120; Werner 2002/III:34-50): *Hagden-ses, Useŋ-ses, U-sas, Bokliŋ-ses, Arun-cas, Anzas, Dup-čes, Ar-zas, Aj-šiš, Ent-šiš*, etc.; see *-set*, *-šet*, *-tes*, *-tet*.

К замечанию Л. П. Кызласова о том, что енисейцы (кеты) не обнаруживают культурных параллелей с южносибирскими тюрками, могу сослаться на работу (Werner, 2010: 58–78), в которой эти параллели подробно рассмотрены (при особой опоре на коллективную работу *Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири*, Новосибирск: Наука, 1988; см. Львова и др., 1988). Таких параллелей довольно много.

Теперь о енисейских топонимах в периферийном тувино-монгольском регионе, который по моим представлениям можно рассматривать как исходный для енисейцев; этих топонимов здесь не очень много, так как они остаточные, оставленные давно ушедшим отсюда енисейским населением, но они здесь тем не менее встречаются, и отрицать этот факт едва ли оправдано:

– топонимы на *-zas* на северо-востоке Тувы: *A^h:-zas, Ka^h:-zas* (*h* – это фарингализация гласного в тувинском языке), в которых *-zas* < енис. **ses* / **sas* ‘река’; в топонимах *Sas-Oj, Sas-Xem* некоторые исследователи хотят в *sas-* видеть тюрк. *saz* ‘болото’, что мне представляется спорным, хотя при их переводе “болотистая Ой” и “болотистая Хем” такое толкование вполне приемлемо;

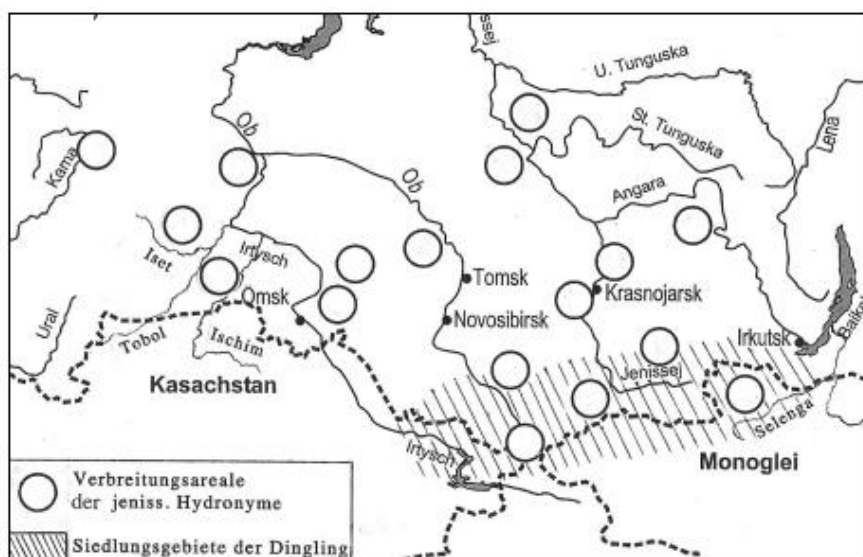
– топонимы на *-det, -dat* на северо-востоке Тувы: *Хым-Дыт* < пумп. (енис.) **Xem-Det* / **Xem-Dat*; *To-dut / Do-dut / Do-tot, Ka^h-dat-Xol*, где *-det, -dot, -dat, -dyt, -dut* < пумп. (енис.) **-det* / **-dat*, а компонент *Xol* < тюрк. ‘озеро’; *Kol-Dyt* (в верховьях р. Уды), где *-dyt* < пумп. (енис.) ‘река’;

– топонимы на *-det, -dat* на северо-востоке Тувы: *Хым-Дыт* < пумп. (енис.) **Xem-Det* / **Xem-Dat*; *To-dut / Do-dut / Do-tot, Ka^h-dat-Xol*, где *-det, -dot, -dat, -dyt, -dut* < пумп. (енис.) **-det*, **-dat*, а компонент *Xol* < тюрк. ‘озеро’; *Kol-Dyt* (в верховьях р. Уды), где < пумп. (енис.) *dyt* ‘река’;

– топонимы на *-det, -tat, -dat, -dyt* в Монголии в бассейне Селенги и Орхона: *Don-dyt* < *Don-det / Don-dat* (приток Орхона); *Al-tat* (приток Селенги); вторая река *Don-dyt* < *Don-det / Don-dat* (приток реки *Al-tat*, впадающей в Селенгу).

Кроме того, ср. р. *Тому*, напоминающую имя *Томь* и пумп. *to:m* ‘река’ (см. подробнее об этом в работе Малолетко, 2000: 122);

Общая схема ареалов распространения енисейских топонимов (по работе Малолетко, 2000: 167) с вхождением южных ареалов в область исходного расселения динлинов может быть представлена следующим образом:

Другая проблема связана с попытками отождествления хуннов, а в некоторых работах и динлинов, с древнетюркским и монгольским этно-культурно-языковыми мирами. Она рассмотрена мной довольно подробно в работах Werner, 2014 и 1915, но, учитывая ее важность, и тот большой интерес, который она представляет, к ней стоит возвращаться снова и снова.

Отправным пунктом для меня в данном случае является ситуация племен дунху. Предыстория и противоборство этих племен с хуннами едва ли позволяет заключить, что между ними и хуннами были какие-либо исходные общие генетические корни. В конце III в. до н. э. дунху были, как известно, разгромлены хуннским шаньюем Маодунем, вытеснены из Восточной Монголии и стали данниками хуннов.

Среди разгромленных Маодунем племен дунху источники различают ухуаней и сяньби, из которых первые характеризуются как монголоязычные⁴, а вторые как смешанные монголо-тюркские племена. Правда, предполагалось, что и объединение сяньбийцев являются полностью многоязычными, но, как заметил Л. Н. Рерих, обнаруженный краткий сяньби-китайский словарь оказался тюрко-китайским, следовательно, среди сяньби были и племена тюркского корня. «Этот словарь, таким образом, представляет собой наиболее древний памятник тюркского языка» (Рерих, 2004: 343). Этот факт, указывая на исходную среду древнетюркского мира, кроме того, однозначно разводит хуннов и древних тюрков, и попытки истолковать единственную хуннскую фразу из тюркских языков (Shiratori, 1902; Ramstedt, 1922; Vazin, 1948; Gabain, 1949) не имеет под собой никаких оснований. Напротив, интерес представляют попытки истолковать эту фразу из енисейских языков (см.: Vovin, 2000: 102; ср. особенно обстоятельный разбор этого вопроса, который представлен в недавней публикации Vovin, Vaida, de la Vaissière, 2016: 125–144).

Правда, в ряде работ утверждается, что эта фраза вообще написана не на хуннском языке, а на языке народа *цзе*, нехуннского происхождения. По Л. Н. Гумилеву (Гумилев, 1998/2: 34–35), *цзе* или *цзелу* жили среди хуннов, но не становились членами хуннских родов; изъяснялись они друг с другом по-хуннски, и по этнолингвистическому признаку должны были быть причислены к хуннам. Происходили ли *цзесцы* из хуннов или были народом, жившим среди хуннов, это в данном случае не так и важно, но очень важно замечание, что они говорили на одном

⁴ Во всяком случае, о монголоязычии сяньбийцев см.: Лувсандэндэв, 1997.

и том же языке – хуннском (Chavannes, 1905: 522)⁵, и, следовательно, совсем неважно была ли единственная хуннская фраза сказана хунном или представителем этнической группы цзе. Как выше отмечено, речь идет в случае народа цзе о динлинах Наньшаня, уведенных сюда в свое время хуннами и позже со второй половины IV в. называемых гаогюйскими динлинами, а это в свете постулируемого динлино-енисейского единства указывает на язык енисейского типа (см. указ. Работу: Vovin, Vaida, de la Vaissière, 2016).

Но какова исходная схема связи динлино-енисейского мира с хуннами? Схема связи енисейского мира с хуннским, предложенная Паллиблэнком, в сущности ничего не объясняет и выглядит спорно:

«The bearers of the Yeniseian languages could be the descendants of those Hsiung-nu, who had gone to the north after the fall of the Hsiung-nu empire in the second century AD» (Pulleyblank, 2002: 15).

(«Носителями енисейских языков могли быть потомки тех хуннов, которые после падения хуннской империи во втором веке н.э. ушли на север»).

Она выглядит спорно потому, что носители енисейских языков не могли быть просто потомками разгромленных северных хуннов, т.к. последние были кочевниками-скотоводами, которые едва ли могли так запросто деградировать до уровня пеших охотников, рыболовов и собирателей тайги, какими мы знаем всех енисейцев, включая праенисейцев по результатам реконструкции их протокультуры. Поэтому следует исходить из того, как эта гипотеза Паллиблэнка понята, воспринята и сформулирована Дёрфером на основе хунно-енисейских словарных параллелей Паллиблэнка:

«Beim Hiung-nu handelt es sich mit Sicherheit nicht um eine türkische oder mongolische Sprache. Wahrscheinlich liegt hier eine inzwischen ausgestorbene isolierte Sprache vor (wie beim Ugaitischen oder Sumerischen). Es gibt eine schwache Möglichkeit, daß das Hiung-nu im heutigen Jenissei-Ostjakischen fortlebt (eventuell nur als Adstrat), jedoch sind die Belege dafür zweifelhaft und nicht zureichend» (Doerfer, 1973: 7).

(«В случае языка хуннов совершенно определено речь идет не о тюркском или монгольском языке. Вероятно, в этом случае вопрос касается уже вымершего изолированного языка (как угоритский или шумерский). Существует слабая возможность, что язык хуннов продолжает жить в сегодняшнем енисейско-остяцком (возможно, лишь как адстрат), но соответствующие материалы сомнительны и недостаточны»).

Хотя эта гипотеза дает только «слабую возможность» того, что язык хуннов продолжает жить в сегодняшнем кетском (енисейско-остяцком) и, хотя даже эта возможность очень сомнительна, из-за недостаточного материала, к ней стоит еще и еще раз, на мой взгляд, возвращаться и попытаться реконструировать такую схему исторических событий в Центральной Азии и Южной Сибири последних веков до н. э. и первых веков н. э., которая давала бы приемлемое объяснение хунно-енисейским связям по этой гипотезе. Именно такая схема предложена мною в книгах Werner, 2014 и 2015 с опорой на енисеистику и с привлечением известных историографических данных, схему, которая хотя бы в первом приближении как-то объясняла и подкрепляла указанную гипотезу Паллиблэнка о хунно-енисейских языковых параллелях⁶. Схема включает:

⁵ Тесное взаимодействие и единение хуннов и цзесцев в период усиления южных хуннов в Китае в первой половине IV в. н. э., включая взаимодействие армейских отрядов Лю Юаня под командой таких полководцев как хунна Лю Яо и цзесца Ши Лэ, в известной иерее подтверждают тот факт, что цзесцы представляли собой какую-то особую этническую группу в среде хуннов, и замечание в «Вэй-шу» о едином для тех и других хуннском языке свидетельствуют о том же.

⁶ Собственно, речь идет о хунно-енисейских языковых параллелях Л. Лигети и Э. Паллиблэнка (Ligeti, 1950; Pulleyblank, 1962) – разумеется, если хотя бы часть из них признать корректными и вполне приемлемыми (см. интересные работы А. Вовина по данной проблеме: Vovin, 2000; 2003) – и встает вопрос об изначальной этно-

1. Обоснование на основе ряда фактов динлино-енисейского этно-культурно-языкового тождества.

2. Этногенез Хунну (по Л. Н. Гумилеву, но при древнейшем динлино-енисейском этническом субстрате, который в этом этногенезе играл важную роль и в итоге привел к тому, что у вновь возникшего хуннского народа возобладал динлино-енисейский язык).

3. Этногенез гуннов (по Л. Н. Гумилеву, но не с угорским или угросамодийским, а с динлино-енисейским этническим субстратом в Западной Сибири).

4. Эпохальная смена хунно-гуннского мира палеосибирского (динлино-енисейского) типа (во всяком случае по происхождению) и его уход с исторической арены с приходом другого мира алтайского типа.

По Л. Н. Гумилеву, не *жуны* и не *ди*, а степные племена *сяньюнь* (*хянь-юнь*) и *сюньюй* (*хуньюй*), принявшие в свою среду волну беженцев-китайцев во главе с *Шунь Вэем*, представляли собой тот прахунский этнический субстрат, из которого вышли предки хуннов⁷; но исторические хунны сложились лишь после того, как племена *сяньюнь* (*хянь-юнь*) и *сюньюй* (*хуньюй*) пересекли Гоби, попав к динлинам Северной Монголии Южной Сибири, собственно, сложились после длительного симбиоза с этими динлинами. Результаты этого симбиоза, возможный динлинский след в хуннском этносе, если принять воззрения Л. Н. Гумилева, представляют большой интерес, так как динлинский след в этногенезе исторических хуннов-сюнну (*Xiongnu*) был, по мнению Л. Н. Гумилева, значительным: пришедшие с юга через Гоби прахунны «были примитивнее аборигенов Халхи и, следовательно, должны были воспринять многое из их культуры» (Uevbkt, 1998/I: 45). Конечно, возникает вопрос, насколько значительным было динлинское влияние на пришельцев-прахуннов? На мой взгляд, в процессе этого 1000-летнего симбиоза вероятнее всего возобладал у вновь возникшего народа *Хунну* язык динлинов, что как раз может объяснять сходство языка хуннов и динлинов, хотя, учитывая как складывались исторически взаимоотношения между ними, можно исходить из того, что хунны и динлины оставались в историческую эпоху разными народами: хунны постепенно поднялись до статуса народа-гегемона Центральной Азии, а динлины, не участвующие в симбиозе с пришедшими с юга прахуннами, остались аборигенным народом охотников, рыболовов и собирателей с традиционной культурой присваивающего характера (лишь часть поздних динлинов южнее Саяно-Алтая и динлинов, увезенных хуннами в Наньшань, в результате сильной хуннизации переняла образ жизни и род хозяйственной деятельности хуннов – коневое скотоводство).

Другой аспект этой проблемы состоит в усилении сяньби, их победе над хуннами и захвате ими всех бывших хуннских территорий к середине 50-х гг. II в. н. э. Как известно, эти события завершились возникновением огромной сяньбийской империи Таньшихая, но вопрос об этно-языковой ситуации в среде военно-политической элиты этого времени остается открытым. Даже об этно-языковой ситуации в крупнейших наследницах сяньбийской империи, империях тоба и жужаней, споры ведутся до сих пор. И уж никак ранее распространение тюркоязычных и монголоязычных, как показывают эти события, не может связываться с предполагаемым в ряде работ тюркоязычием или монголоязычием хуннов: оставшиеся в пределах сяньбийской империи, побежденные хунны подверглись ассимиляции и стали называться

культурноязыковой среде, из которой вышли и хунны, и енисейцы и которая в свете этих параллелей едва ли могла быть средой алтайского типа, то есть тюрко- или монголоязычной, что особенно ясно подчеркнуто в работе Дёрффера (Doerfer, 1973). И этот автор говорит о возможной енисейско-хуннской языковой связи, хотя и очень слабо. Во всяком случае он заключает: «Allerdings scheint Ligeti-Pulleyblanks These noch immer die am wenigsten unwahrscheinliche» («Во всяком случае тезис Лигети–Паллиблэнка все еще кажется наименее вероятным»). Как раз это обстоятельство и заставляет вновь и вновь возвращаться к этой гипотезе, чтобы найти такую схему развития исторических событий в Древней Центральной Азии, которая давала бы приемлемое объяснение хунно-енисейским связям.

⁷ Как замечает С. И. Руденко, по мнению одних, *хяньюнь* и *хуньюй* не хунны, по мнению других – хунны, а по мнению Л. Н. Гумилева – прахунны, но еще не хунны (Руденко, 1998/1: 314).

«хунно-сяньби», а северные хунны ушли из-под влияния сяньбийцев на запад, породив в результате 200-летнего симбиоза с аборигенным населением Западной Сибири народ гуннов.

Возникает поэтому вопрос о появлении, напр., тюркоязычии в Южной Сибири. В свете рассмотренных событий очень спорно утверждение об изначальном тюркоязычии енисейских кыргызов-гяньгуней уже в III–II вв. до н. э. Тюркология опирается при этом на известный факт покорения хуннским шаньюем Маодунем северных соседних народов в Южной Сибири, а в их числе и гяньгуней (т.е. тюркоязычных енисейских кыргызов) именно в это время. Но в этом сообщении источников не указана локализация гяньгуней, а «северные соседние народы» могли находиться где угодно, ибо владения хуннской конфедерации этого времени простирались от Амура до Средней Азии. И возникают следующие вопросы: 1. Были ли гяньгуни в это время уже на Енисее? 2. Были ли они в это время уже тюркоязычны? Однозначный ответ на первый вопрос находим в сообщении источников о походах хуннского шаньюя Чжичжи в 49 г. до н. э., во время которых он наряду с другими народами вновь покорил и гяньгуней, причем указана и их точная локализация: Восточное Притяньшанье (обратим внимание: не Енисей, а Притяньшанье! То есть в 49 г. до н. э. гяньгуни были еще не на Енисее). А поскольку их владения граничили в это время с усунями, то предполагается, что они с последними составляли два крыла единого народа европеоидного типа (Бартольд, 1963: 477) без всяких оснований для их тюркоязычия (хунны не могли быть источником их тюркоязычия, см.: Doerfer, 1973). Возникают два дальнейших вопроса: 1. Когда и почему гяньгуни впоследствии оказались на Енисее? 2. Когда на них распространилось тюркоязычие? Ответ на первый вопрос связывается с эпохой империи жужаней, практиковавших переселение подвластных народов (ср., напр., переселение рода Ашина на Алтай). То есть предполагается переселение гяньгуней на Енисей в эпоху владычества жужаней в V–VI вв. н. э. (см.: Худяков, 2001). А что касается второго вопроса об их переходе к тюркоязычию, то тут вероятнее всего время Древнетюркских каганатов (см.: Hajdu, 1953: 90–91, Donner, 1916–1920: 19). Уже здесь на Енисее произошло и их упоминающееся в китайских источниках смешение с динлинами. Но могли ли динлины, как предполагается, быть источником тюркизации гяньгуней?

Представление о тюркоязычии динлинов сложилось в связи с ситуацией уже упоминавшихся гаогюйских динлинов среди гаогюйцев-степиков, которые как было отмечено, во второй половине IV в. выселились из Северного Китая в степи севернее Гоби. При этом тюркологи ссылаются обычно на замечание в «Вэй-шу», касающееся гаогюйских динлинов, что язык их сходен с хуннским, но есть небольшая разница, а, мол, общеизвестно, что хунны были тюркоязычным народом (эта концепция, пожалуй, наиболее четко изложена у Н. А. Баскакова, см.: Баскаков, 1981: 51, 94, 109–111). Но ни хунны не были тюркоязычным народом, ни тем более динлины, даже если иметь в виду гаогюйских динлинов, восходящих к хуннизированным динлинам, увезенных хуннами в свое время в Наньшань.

Ошибочно приписываемое хуннам тюркоязычие переносится в соответствующей литературе и гуннов, хотя и в данном случае, как показал Г. Дёрфер в указанной работе, для этого нет никаких оснований.

Вообще по вопросу о происхождении гуннов представлены в литературе две различные, уже давно дискутируемые версии; по одной из них европейские гунны являются потомками азиатских хуннов, по другой эта связь отрицается из-за большой несхожести их культур, отсутствия сведений об их языках и доказательств их перехода из Центральной Азии в Европу (Maenchen-Helfen, 1945: 222–243). Во втором случае гунны некоторыми исследователями объявляются прямыми потомками древних тюрков, в частности некоего народа *Хун* в составе сяньбийской империи (Alheim, 1969: 21–27), а их путь в Европу пролегал через Среднюю Азию (Согдиану)⁸.

⁸ Трудно представить, такая дикая орда как гунны, как она вполне реалистично описана известным историком-современником соответствующих событий Аммианом Марцеллином, могла прийти в Европу из такого культурного

Конечно, европейские гунны не могут рассматриваться как непосредственные потомки азиатских хуннов, но какие-то черты хуннской культуры должны были у гуннов сохраниться, на что указывает, например, гуннский сложносоставной, дальнобойный лук как элемент восточной культуры, гуннские бронзовые котлы хуннского типа, некоторые типы наконечников стрел, а также сохранившаяся у гуннов старинная хунная кибитка (Засецкая, 1998/2: 374–378; Гумилев, 1998/1: 247). Сохранили гунны и оправдавшую себя хуннскую тактику ведения боя (Артамонов, 1962: 44; Гумилев, 1998/1: 248).

В случае хуннского происхождения гуннов речь может идти только о северных хуннах, которые после поражений в войне с сянбийскими и китайскими войсками, вынуждены были по письменным китайским источникам к 91 г. н. э. уходить за Табагатай на запад, где часть из них нашла приют у аборигенного населения западносибирской лесостепи и, оправившись в течение 200-летнего симбиоза с этим населением от неудач, продвигалась дальше в сторону Европы по кромке западносибирской лесостепи и Южному Приуралью. Таким образом, по этой версии происхождения гуннов предполагается, что их орда сформировалась в юго-восточном Приуралье между Уралом и Иртышом⁹, как полагают многие исследователи, в районах расселения угорского населения Западной Сибири (см., например, Гумилев, 1998/1: 240). Однако если учесть, что основная масса сибирских угров проникала через Урал в Сибирь не в первых веках, а лишь с XII в. н.э. (см.: Décsy, 1965: 217–218; Лыткин/Майтинская/Редеи и др. [ред.] 1974: 33–37; 1976: 229–239), то северные хунны нашли в Западной Сибири скорей приют у доугорского енисейского населения, на что указывают и субстратные енисейские топонимы этого региона (см. карту).

Тюркоязычие у них, по Doerfer, 1973, исключается, и, следовательно, они не могут принести его в Европу; оно могла реально проникнуть в Европу лишь с аварами и тюркютами Древнетюркского каганата в VI в. Можно предполагать, что у собственно гуннов сохранялся язык, который возобладали в той многочисленной этнической среде Западной Сибири, которая приютила северных хуннов после их поражения и ухода из Джунгарии и в которой в течение 200-летнего симбиоза сложилась гуннская орда. Это была, конечно, вероятнее всего енисейская (динлино-енисейская) этническая среда.

Доводы в пользу раннего тюркоязычия в Европе в постгуннское время очень противоречивы. Оно связывается с болгарскими племенами Северного Причерноморья и Приазовья – *булгарами, утигурами, кутригурами и оногурами*, видимо, как наследие гуннской эпохи, хотя, как уже отмечено, его реально могли принести с собой в 557–558 гг. прежде всего авары, ведь именно с ними связано так называемое огурское тюркоязычие, характеризующееся ротацизмом, ламбдаизмом и др. особенностями, и именно они в это время покорили болгарские племена. Но это тюркоязычие не может, следовательно, ретроспективно переноситься на прото-болгарские племена более раннего времени¹⁰. Очень сомнительно поэтому и предположение о том, что чувашский язык является остатком гуннского (см.: Гумилев, 1998/1: 245 со ссылкой на работу: Barthold, 1935: 30–31).

Раннее тюркоязычие в Восточной Европе некоторыми авторами как будто связывается с движением гурских племен из Азии в Прикамье в V в. н. э. (Гаджиева, 1990: 527), но если в данном случае имеется в виду движение сарагурских племен (сарагуров, оногуров, огуров, см.: Артамонов, 1962: 78), которые под натиском западносибирских сабиоров вынуждены были

центра как Средняя Азия с Согдом, игравшим большую роль в экономической и культурной жизни тогдашнего Востока, державшим в своих руках всю торговлю на основных караванных путях из Монголии и Китая.

⁹ В работе Иностранцева 1926 г., в которой отстаивается версия о хуннском происхождении гуннов, впервые предполагается использовать этноним “хунны” по отношению к ранним центрально-азиатским хуннам-сюнну (Xiongnu), а “гунны” по отношению к соответствующим европейским кочевникам (Hunnen).

¹⁰ То есть болгары упоминающиеся источниками уже в IV в., еще никак не могли быть тюркоязычными; их тюркоязычие может связываться только с появившимися позднее в IV в. в Восточной Европе аварами.

уйти в Приазовье, то речь скорее идет о каких-то племенах *di / dili*, т.е. ранних дисцев-телесцев, которые во второй половине IV в. выселились из Северного Китая в степи севернее Гоби. В своем мире, меж собой их предки, как уже упоминалось, общались на своем языке *di*, а не на хуннском и не на тюркском языках.

Правда существует предположение, что в начале V в. какая-то часть телесских племен, к которым восходят и угры, могла проникнуть в степи Казахстана и даже в Восточную Европу, и, видимо, это предположение о движении телесских как раз и связывается с движением «гурских племен» сарагуров, оногуров и огуров. Но возникает вопрос, были ли эти племена тюркоязычными. Попытка наделить эти «гурские племена» тюркоязычием предпринята на основе созвучия элемента *-gur* в этих этнонимах с этнолингвистическим дифференцирующим термином *oghur / oghus* тюркского мира. Но это созвучие скорее случайного характера.

Обзор историографических данных позволяет, таким образом, с большой степенью вероятности говорить о хунноязычии динлинов, или, вернее, при учете исторического прошлого этих народов, о динлиноязычии хуннов, восходящем к периоду этногенеза хуннов в условиях длительного динлинохуннского симбиоза. А исходная область расселения динлинов, которая может быть совмещена с географической прародиной енисейцев, то есть, саяноалтайский регион, позволяет исходить из единого динлино-енисейского этнокультурного языкового мира, что создает основу для принятия гипотезы Лигети–Паллиблэнка о хунно-енисейских языковых связях. Эти связи подтверждаются в настоящее время рядом вновь выверенных А. Вовиным хунно-енисейских лексических параллелей (Vovin, 2000; 2002), к которым могут быть теперь, видимо, присовокуплены и некоторые распространенные в центральноазиатском регионе и исходящие от хуннов титулы (см.: Vovin, 2007; Werner, 2014: 101–123). Большой интерес представляет в этом плане и новое истолкование на основе енисейских языков единственной встречающейся в источниках хуннской фразы (Vovin, 2000; Vovin, Vajda, de la Vaissière, 2016: 137–142), особенно содержащихся в ней двух глагольных форм, которые, кроме всего прочего, обнаруживают порядковую модель не алтайского, а енисейского типа.

Список литературы

- Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. – Санкт-Петербург, 1897.
- Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962.
- Бартольд В. В. Сочинения. – Т. II, ч. 1. – М., 1963.
- Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. – М., 1981.
- Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. – Л., 1951.
- Вернер Г. К. Кеты кто вы? Рукопись монографии. – Бонн, 2015.
- Гаджиева Н. З. Тюркские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 527–528.
- Гохман И. И. Антропология кетов // Кетский сборник. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. – Л., 1982. – С. 7–83.
- Грум-Гржимайло Г. Е. Белокурая раса в Средней Азии // Русское географическое общество (западное отделение). – 1909. – Т. 34. – С. 163–188 (см. то же самое в томе: Гумилев Л. Н. 1997/1. – С. 340–360).
- Гумилев Л. Н. Сочинения. – Т. 9–10 // История народа Хунну. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. – Т. 1–2.
- Дульзон А. П. Кетские топонимы Западной Сибири // Ученые записки Томского государственного педагогического института. – Томск, 1959. – Т. XVIII. – С. 91–111.
- Дульзон А. П. Древние передвижения кетов по данным топонимики // Известия Всесоюзного географического общества. – Л., 1962. – Т. 94. – С. 474–482.
- Дульзон А. П. Этнический состав древнего населения Сибири по данным топонимики // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 289–295.
- Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.) В томе: Гумилев Л. Н. История народа хунну. – 1998/2 (Сочинения. Т. 10). – С. 350–387.
- Иностранцев К. А. Хунны и гунны (2-е доп. изд.) // Труды тюркологического семинария. – Л., 1926. – Т. 13, № 1.

- Кляшторный С. Г. Формирование древнетюркской государственности: от племенного союза до Тюркского каганата, 1997.
- Кызласов Л. П. К вопросу об этногенезе хакасов // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. – Абакан, 1959. – Вып. VII. – С. 70–92.
- Лувсандэндэв А. Сяньвийский язык // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. – М., 1997. – С. 144–147.
- Лыткин В.И., Майтинская К. Е., Редеев К. (ред.) Основы финно-угорского языкознания. – М., 1974 (1); 1975 (2); 1976 (3).
- Львова Е. Л. Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. – Новосибирск, 1988.
- Малолетко А. М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. – Т. II: Кеты. – Томск: Изд-во Томского университета, 2000.
- Окладников А. П. и др. (ред.). История Сибири. – Л., 1968. – Т. I.
- Рерих Ю. Н. История Средней Азии. – М., 2004. – Т. I.
- Руденко С. И. К вопросу об историческом синтезе. По поводу одной дискуссии. См. в томе: Гумилев Л. Н. 1998. – С. 310–316.
- Старостин С. А. Гипотеза о генетических связях синотибетских языков с енисейскими и северокавказскими // Древнейшая языковая ситуация в Восточной Азии. – М., 1984.
- Таскин В. С. [составитель]. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). – Вып. 1. – М.: Наука, 1968.
- Таскин В. С. [составитель]. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). – Вып. 2. – М.: Наука, 1973.
- Худяков Ю. С. Проблемы истории древних кыргызов (первоначальное расселение) // Этнографическое обозрение, 2001. – № 5. – С. 12–16.
- Altheim F. Geschichte der Hunnen. – Bd. 1, 2. Aufl. – Berlin, 1969 (1. Aufl. 1959).
- Barthold W. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. – Berlin, 1935.
- Bazin L. Un texte proto-turc de 4e siècle. – Oriens 1. – P. 208–219.
- Bengtson Jh. D. Notes on Sino-Caucasian. – Dene-Sino-Caucasian Languages. – Brockmeyer Verlag, Bochum, 1991. – P. 67–129.
- Blažek V., Bengtson Jh. D. Lexica Dene-Caucasica // Central Asiatic Journal. – 1995. – Vol. 39/1. – P. 11–50.
- Chavannes E. Les pays d'Occident d'après le Wei-lïo // T'oung Pao. – 1905. – Série 2, vol. VI. – P. 519–571.
- Décsey G. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1965.
- Doerfer G. Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. – 1973. – Vol. XVII. – S. 1–50.
- Donner K. (1916-1920): Beiträge zur Frage nach dem Ursprung der Jenissei-Ostjaken // Journal de la Société Finno-ougrienne. – 1916–1920. – Vol. 37. – S. 1–21.
- Futaky I. Tungusische Lehnwörter des Ostjakischen // Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 10. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1975.
- Gabain A. von. Riewiew of Louis Bazin "Un texte proto-turc de 4e siècle" // Der Islam. – 1949. – № 20. – S. 244–246.
- Hajdu P. Die ältesten Berührungen zwischen den Samojedern und den jenseiseischen Völkern // Acta Orientalia. – 1953. – Vol. 3. – S. 73–101.
- Ligeti L. Mots de la civilization de Haute Asie an transcription Chinoise // Acta Orientalia Hungarica. – 1950. Vol. 1. – S. 141–188.
- Maenchen-Helfen O. The Huns and the Hsiung-nu // Bizantion. American Series III, T. XVII. – 1945. P. 222–243.
- Pulleyblank E. G. The Consonantal System of Old Chinese // Asia Major. New series. – 1962. – Vol. 9/1-2.
- Pulleyblank E. G. Central Asia and Non-Chinese Peoples of Ancient China. Aldershot, UK and Burlington, VT, USA: Ashgate, 2002.
- Ramstedt G. J. Die Stellung des Tschuwassischen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. – 1922. – Vol. 38. – S. 1–34.
- Ruhlen M. The origin of the Na-Dene // Proceedings of the National Academy of Sciences. Anthropology. – Vol. 95. – Washington, 1998. – P. 139–1396.
- Sedláček K. The Yeniseian Languages of the 18th Century and Ket and Sino-Tibetan Word Comparisons // Central Asiatic Journal. – 2008. – Vol. /2(52). – P. 219–305.
- Shiratori K. Über die Sprache der Hiung-nu und der Tang-hu-Stämme // Bulletin de l'Academie Imperiale des Sciences de St.-Petersburg, 1902. – Serie V. – Bd. XVII/2. 18.
- Vajda E. J. A Siberian link with Na-Dene languages // The Dene Yeniseian Connection. Anthropological Papers of the University of Alaska. New Series. – 2010. – Vol. 5 (1–2). – P. 33–99.

Vovin A. Did the Xiongnu speak a Yeniseian Language? // Central Asiatic Journal. – Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2000. – Vol. 44/1. – P. 87–104.

Vovin A. Did the Xiongnu speak a Yeniseian Language? Part 2: Vocabulary // Altaica Budapestinensia, MMII (Proceedings of the 45th Permanent International Altaistic Conference [PIAC], Budapest, Hungary, June 23–28, 2002). – 2003. – P. 389–394.

Vovin A., Vajda, E., de la Vaissière E. Who were the *KJET and what language did they speak // Journal Asiatique. – 2016. – Vol. 304.1. – P. 125–144.

Werner H. Vergleichendes Wörterbuch der Jensej-Sprachen, Bde 1–3. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002.

Werner H. Die Welt der Jensejer im Lichte des Wortschatzes (Zur Rekonstruktion der jensejischen Protokultur). = Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. – Bd. 69. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006.

Werner H. Die Glaubensvorstellungen der Jensejer aus der Sicht des Tengrismus. = Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, Bd. 73. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007.

Werner H. Zur Typologie der jensejischen Protokultur (nach sprachlichen und mythologischen Daten) // Lincom Studies in Anthropology. – München, 2010. – Vol. 13.

Werner H. Die Jensejer unter den frühen Völkern Zentralasiens // LINCOS Studies in Anthropology. – München: Verlag Lincom Europa, 2014. – № 19.

Вернер Г. К.

Институт Ближневосточных и Азиатских Исследований.

Университет Бонна. Кафедра Монголистики и Тибетологии.

Regina-Pacis-Weg 7, Бонн, Германия, 53113.

E-mail: henrich.werner@gmx.de

Статья поступила в редакцию 15.01.2017.

Werner H.

HYPOTHESIS OF DINLIN-YENISSEIC UNITY

In the proposed paper the author makes another come-back to the issue of Kets origin or, wider – Yenisseic people, the questions that was addressed to themselves by the XVIII century scholars and which is being asked by the XXI century scholars, there are many anticipations, but the Kets are still a mystery, nevertheless, we, of course know more about them nowadays, than the past centuries scholars. Especially we enriched our knowledge on them beginning from the second half of the XX century, mostly like due to works of outstanding scientists E. A. Alekseenko, A. P. Dulzon and E. A. Kreinovitch.

The main interesting regarding their ancient genetic relations currently seem to be Sino-Tibetan and Dene-Yenisseic hypothesis, based on linguistic data.

In the proposed article there is no a set task on critical analysis of the hypothesis on remote genetic relationship of Yenisseic people, the author would like to go to the question of the latter predecessors of Ket-Yenisseic people among early peoples of Central Asia and consider their possible ethnographic roots within those peoples. The level of working out of the Ket and other Yenisseic peoples' problem currently allows only to outline different anticipations, regarding this point, the article is not different from other ones, but it attempts to allocate the abovementioned problem to the recorded historical events before BC and first centuries of CE, and also correlate it to peoples-participants of those events, particularly with Dinlins, Hunns and Hunnas. So that there is an attempt to estimate historiographic, ethnographic and linguistic material related to Yenisseic peoples' problem to define their place, their participation and role in registered and possible to be reconstructed historical events in correspondent geographical areas.

Key words: *Yenisseic people's origin, Ligeti–Palliblack hypothesis, Hunn–Yenisseic language relations.*

References

Altheim F. Geschichte der Hunnen. – Bd. 1, 2. Aufl. – Berlin, 1969 (1. Aufl. 1959).

- Aristov N. A. Zametki ob jetnicheskom sostave tjurkskih plemen i narodnostej [Notes on ethnic composition of Turkic tribes and peoples]. – Sankt-Petersburg, 1897. (in Russian)
- Artamonov M. I. Istorija hazar [Khazars' history]. – L., 1962. (in Russian)
- Barthold W. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. – Berlin, 1935.
- Bartol'd V. V. Sochinenija [Works]., – M., 1963. – Vol. II, part 1. (in Russian)
- Baskakov N. A. Altajskaja sem'ja jazykov i ee izučenie [Altaic language family and its study]. – M., 1981. (in Russian)
- Bazin L. Un texte proto-turc de 4e siècle. – Oriens 1. – P. 208–219.
- Bengtson Jh. D. Notes on Sino-Caucasian. – Dene-Sino-Caucasian Languages. Brockmeyer Verlag, Bochum, 1991. – P. 67–129.
- Bernshtam A. N. Očerok istorii gunnov [A note on Hunns' history]. – L., 1951. (in Russian)
- Blažek V., Bengtson Jh. D. Lexica Dene-Caucasica // Central Asiatic Journal. – 1995. – Vol. 39/1. – P. 11–50.
- Chavannes E. Les pays d'Occident d'après le Wei-lïo // T'oung Pao. – 1905. – Série 2, vol. VI. – P. 519–571.
- Décsey G. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1965.
- Doerfer G. Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. – 1973. – Vol. XVII. – S. 1–50.
- Donner K. (1916-1920): Beiträge zur Frage nach dem Ursprung der Jenissei-Ostjaken // Journal de la Société Finno-ougrienne. – 1916–1920. – Vol. 37. – S. 1–21.
- Dul'zon A. P. Drevnie peredvizhenija ketov po dannym toponimiki // Izvestija Vsesojuznogo geograficheskogo obshhestva [Ancient migrations of Ket as per toponymic data]. – L., 1962. – Vol. 94. – P. 474–482. (in Russian)
- Dul'zon A. P. Jetnicheskij sostav drevnego naselenija Sibiri po dannym toponimiki // Trudy XXV Mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov [Ethnical composition of ancient population of Siberia based on toponymic data]. – M.: Izd-vo Vostočnoj Literatury, 1963. – P. 289–295. (in Russian)
- Dul'zon A. P. Ketskie toponimy Zapadnoj Sibiri // Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo instituta [Ket toponyms of West Siberia // Scientific papers of Tomsk state teachers training institute]. – Tomsk, 1959. – Vol. XVIII. – P. 91–111. (in Russian)
- Futaky I. Tungusische Lehnwörter des Ostjakischen // Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 10. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1975.
- Gabain A. von. Review of Louis Bazin „Un texte proto-turc de 4e siècle“ // Der Islam. – 1949. – Vol. 20. – S. 244–246.
- Gadžieva N. Z. Tjurkskie jazyki // Lingvističeskij jenciklopedičeskij slovar'. „Sovetskaja jenciklopedija“ [Turkic languages // Linguistic encyclopedic dictionary. „Soviet encyclopedia“]. – M., 1990. – P. 527–528. (in Russian)
- Gohman I. I. Antropologija ketov // Ketskij sbornik. Antropologija, jetnografija, mifologija, lingvistika [Kets' anthropology // Ket compilation. Anthropology, ethnography, mythology, linguistics]. – L., 1982. – P. 7–83. (in Russian)
- Grumm-Grzhimajlo, Grigorij E. Belokuraja rasa V Srednej Azii // Russkoe geograficheskoe obshhestvo (zapadnoe otdelenie) [White race in Middle Asia // Russian geographic society (western branch)]. – 1909. – Vol. 34. – P. 163–188 (see the same in V.: Gumilev L. N. 1997/1. – C. 340–360). (in Russian)
- Gumilev L. N. Sochinenija. – T. 9–10 // Istorija naroda Hunnu, 1–2 [Works. – Vol. 9–10 [Hunnu people's history]. – M.: Institut DI-DIK, 1997. (in Russian)
- Hajdu P. Die ältesten Berührungen zwischen den Samojuden und den jennisseischen Völkern // Acta Orientalia. – 1953. – Vol. 3. – S. 73–101.
- Hudjakov Ju. S. Problemy istorii drevnih kyrgyzov (pervonachal'noe rasselenie) // Jetnograficheskoe obozrenie [Problems of ancient Kyrgyz people's history (initial settlement) // Ethnographic review]. – 2001. – № 5. – P. 12–16. (in Russian)
- Inostrancev K. A. Hunny i gunny (2-e dop. izd.) // Trudy tjurkologičeskogo seminarija [Hunns and Hunnus (2nd ed.) // works of Turkological seminar]. – № 13/l. – L., 1926. (in Russian)
- Kljashornyj S. G. Formirovanie drevnetjurkskoj gosudarstvennosti: ot plemennogo sojuza do Tjurkskogo kaganata [Formation of ancient Turkic state: from tribes union to Turkic kaganat], 1997. (in Russian)
- Kyzlasov L. P. K voprosu ob jetnogenezе hakasov // Uchenye zapiski Hakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury i istorii [To ethnical genesis of Khakas people]. – Abakan, 1959. – Vol. VII. – P. 70–92. (in Russian)
- Ligeti L. Mots de la civilization de Haute Asie an transcription Chinoise // Acta Orientalia Hungarica. – Vol. 1950/1. – S. 141–188.
- Luvсанджэнджев А. Сян'виjskij jazyk // Jazyki mira. Mongol'skie jazyki. Tunguso-man'chzhurskie jazyki. Japonskij jazyk. Korejskij jazyk [Syanyin language // Languages of the world. Mongolian languages. Tunguso-Manchzhur languages. Japanese language. Korean language]. – M., 1997. – C. 144–147. (in Russian)
- L'vova E. L. Oktjabr'skaja I. V., Sagalaeв A. M., Usmanova M. S. Tradicionnoe mirovozzrenie tjurkov Juzhnoj Sibiri. Prostranstvo i vremja. Veshhnyj mir [Traditional world outlook of South Siberian Turks. Space and time. Things' world]. – Novosibirsk, 1988. (in Russian)

- Lytkin V. I., Majtinskaja K. E., Redei K. (red.) *Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija* [Basics of finno-ugric studies]. – M., 1974 (1); 1975 (2); 1976 (3). (in Russian)
- Maenchen-Helfen O. The Huns and the Hsiung-nu // *Bizantion. American Series III*, T. XVII. – 1945. – P. 222–243.
- Maloletko A. M. *Drevnie narody Sibiri. Jethnicheskij sostav po dannym toponimiki*. – Vol. II. Kety [Ancient Siberian peoples. Ethnical composition as per toponymic data]. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2000. (in Russian)
- Okladnikov A. P. i dr. (red.). *Istorija Sibiri* [History of Siberia]. – Vol. I. – L., 1968. (in Russian)
- Pulleyblank E. G. *Central Asia and Non-Chinese Peoples of Ancient China*. Aldershot, UK and Burlington, VT, USA: Ashgate, 2002.
- Pulleyblank E. G. *The Consonantal System of Old Chinese* // *Asia Major. New series*. – 1962. – Vol. 9/1-2.
- Ramstedt G. J. *Die Stellung des Tschuwassischen* // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – 1922. – Vol. 38. – S. 1–34.
- Rerih Ju. N. *Istorija Srednej Azii* [History of Middle Asia]. – M., 2004. – Vol. I.
- Rudenko S. I. *K voprosu ob istoricheskom sinteze. Po povodu odnoj diskussii*. Sm. v tome: [On the issue of historic synthesis. Regarding one discussion. See in vol.:] Gumilev L. N. 1998. – P. 310–316. (in Russian)
- Ruhlen M. *The origin of the Na-Dene* // *Proceedings of the National Academy of Sciences. Anthropology*. – Washington, 1998. – Vol. 95. – P. 1394–1396.
- Sedlaček K. *The Yeniseian Languages of the 18th Century and Ket and Sino-Tibetan Word Comparisons* // *Central Asiatic Journal*. – 2008. – Vol. 2(52). – P. 219–305.
- Shiratori K. *Über die Sprache der Hiung-nu und der Tang-hu-Stämme* // *Bulletin de l'Academie Imperiale des Sciences de St.-Petersburg*, 1902. – Serie V. – Bd. XVII/2.18.
- Starostin S. A. *Gipoteza o geneticheskikh svyazjah sinotibetskih jazykov s enisejskimi i severokavkazskimi* // *Drevnejshaja jazykovaja situacija v Vostochnoj Azii*. [Hypothesis on genetic correlations of Sino-Tibetan languages with Yeniseic and North Caucassian] – M., 1984. (in Russian)
- Taskin V. S. [sostavitel']. *Materialy po istorii sjunnu (po kitajskim istochnikam)*. [Materials on Syunnu history (based on Chinese sources)] – M.: Nauka, 1968. – Vol. 1. (in Russian)
- Taskin V. S. [sostavitel']. *Materialy po istorii sjunnu (po kitajskim istochnikam)* [Materials on Syunnu history (based on Chinese sources)]. – M.: Nauka, 1973. – Vol. 2. (in Russian)
- Vajda E. J. *A Siberian link with Na-Dene languages* // *The DeneYeniseian Connection. Anthropological Papers of the University of Alaska. New Series*. – 2010. – Vol. 5 (1–2). – P. 33–99.
- Verner G. K. *Kety kto vy? Rukopis' monografii* [Kets, who are you? Handwritten thesis]. – Bonn, 2015. (in Russian)
- Vovin A. *Did the Xiongnu speak a Yeniseian Language?* // *CentralAsiatic Journal*. – 44/1. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2000. – P. 87–104.
- Vovin A. *Did the Xiongnu speak a Yeniseian Language? Part 2: Vocabulary* // *Altaica Budapestinensia, MMII* (Proceedings of the 45th Permanent International Altaistic Conference [PIAC], Budapest, Hungary, June 23-28, 2002). – 2003. P. 389–394.
- Vovin A., Vajda, E., de la Vaissière E. *Who were the *KJET and what language did they speak* // *Journal Asiatique*. – 2016. – Vol. 304.1. – P. 125–144.
- Werner H. *Die Glaubensvorstellungen der Jenissejer aus der Sicht des Tengrismus* // *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica*, Bd. 73. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007.
- Werner H. *Die Jenissejer unter den frühen Völkern Zentralasiens* // *LINCOM Studies in Anthropology*. – München: Verlag Lincom Europa, 2014. – Vol. 19.
- Werner H. *Die Welt der Jenissejer im Lichte des Wortschatzes (Zur Rekonstruktion der jensejischen Protokultur)*. = *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica*. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. – Bd. 69.
- Werner H. *Vergleichendes Wörterbuch der Jenissej-Sprachen*. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002. – Bde 1-3.
- Werner H. *Zur Typologie der jensejischen Protokultur (nach sprachlichen und mythologischen Daten)* // *Lincom Studies in Anthropology*. – München, 2010. – Vol. 13.
- Zaseckaja I. P. *Kul'tura kochevnikov juzhnorusskich stepej v gunnskuju jepohu (konec IV–V cc.)* [Culture of nomads of South Russian steppes in hunns period (end of IV–V c.)] V tome [in volume]: Gumilev L. N. *Istorija naroda hunnu* [History of Hunnu people]. – 1998/2 (Sochinenija, Vol. 10). – P. 350–387. (in Russian)

Werner H.

Institut für Orient- und Asienwissenschaften der Universität Bonn.

Abteilung für Mongolistik und Tibetstudien.

Regina-Pacis-Weg 7, Bonn, Germany, 53113.

E-mail: henrich.werner@gmx.de